

Кратко: Мы едем в поезде с сыном МЦ, там она творит что-то странное. Мы собираем её вещи. Она всё время обеспокоена, опечалена. Говорит, что скоро приедем, нужно собирать вещи в чемоданы. Мур её пытается успокоить.

Ввод: Германия вторглась в Советский Союз 22 июня 1941 года. Нацистская армия быстро продвигалась, и первые бомбардировки Москвы начались уже в июле. Мур не хотел уезжать из столицы. Он был капризным и избалованным подростком, к тому же на тот момент и влюбленным. Поэтому перспектива уехать в маленький городок в Татарской АССР его совсем не привлекала. Но в результате Мур поддался на уговоры матери. Они прибыли в Елабугу на пароходе 17 августа 1941 года. На момент эвакуации у нас практически не было денег. Я собрала все ценные вещи, которые остались, и села с сыном на пароход. В Елабуге я планировала каждый день уходить из дома в попытках найти работу.

*О, дева всех румянее
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!
Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.
Пред чешскою крестьянкою —
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?
Пред горестью безмерною
Сей маленькой страны,
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны?
О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!
С объятьями удавьими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, словачь!
В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!*

Дети: соседи Марины и Мура на пароходе.

Они едут все в одной комнате. Тут Марина начинает вести себя странно как-то. Ходить, бормотать. Рассказывать план действий, но очень беспокожно.

МЦ: Мур, мы почти приехали, скорее собирай свои вещи.

МУР: Mam, еще долго ехать, что происходит?

МЦ: Нет, нет, мы почти приехали. Что вы стоите? Собирайте вещи!

Юни собирают вещи, МЦ куда-то уходит

МУР: вы её извините, она в последнее время совсем не в себе, вы ведь понимаете, что время тяжелое. Вообще её жизнь совсем тяжелая. Она боится, что меня на фронт отправят, как отца. Я, кстати, сын её - Георгий Эфрон. Я правда переживаю за судьбу матери. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она одно страдание. Вообще большую часть своей жизни я прожил не здесь, я так и не понял причины по которой мы вернулись из Парижа. Этого скорее хотел отец, но сейчас его здесь нет, он на фронте. Так что мы просто так сюда обратно переехали. Мать изначально не видела никакого будущего в СССР. И вот сейчас мы такой большой компанией едем из столицы в какой-то маленький городок.

Возвращается МЦ

МЦ: Знаете, я придумала. Я придумала где буду работать. Я буду работать в литфонде, да хоть посудомойкой. Кем возьмут тем и буду. Нужно написать письмо. Нужно много куда написать письмо. Вы... вы помогите мне. Напишите. Держите. Пишите "В Совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда." Написали? Нужно еще написать. Мне нужно устроиться на работу.

Я... я хорошо знаю французский! Могу устроиться переводчицей!

Пишите "Жила во Париже несколько лет. Могу устроиться переводчицей. Марина Цветаева". Хорошо, спасибо. Мне еще предлагали быть переводчицей с немецкого в лагере военнопленных. Но нет. На такую работу я не пойду.

МУР: Mam, кажется мы правда скоро подъезжаем.

МЦ: А вы вещи собрали? Скорее собирайте.

Юдособираем все вещи

МЦ: Смотрите, Боря мне книги подарил. Знаете, а когда он мне подарил, то сказал "Веревка все выдержит, хоть вешайся!"

МУР: Приехали, пойдёмте все.

Мы идем все, приходим к ним домой, начинаем разбирать их вещи, МЦ уходит, они разговаривают с Муром просто о разном... потом в какой-то момент Мур говорит, что пойдет к матери зайдет, она наверное работает

МУР: Я пойду к маме зайду на секунду. Она наверное работает, так что я один, чтоб вы не мешали.

Мур заходит в комнату, потом выходит...

МУР: Она... она мертва. Она повесилась... я не верю... она сама убила себя.

Посмотрите. Она оставила 3 записки.

Записка сыну:

Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик.

Записка Асеевым:

Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь — просто взять его в сыновья — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 р. и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына — заслуживает. А меня — простите. Не вынесла. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете — увезите с собой. Не бросайте!

Записка «эвакуированным»:

Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы — страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом — сложить и довезти. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте.

Вывод: 31 августа в Елабуге проводился воскресник: расчищали территорию под аэродром. На работу должны были выйти по одному человеку от каждой семьи елабужан и эвакуированных. От семьи Цветаевых на воскресник пошел Мур, а от семьи Бродельщиковых — хозяйка Анастасия Ивановна. Ее муж Михаил Иванович с шестилетним внуком Павликом рано утром ушли на рыбалку. Марина Ивановна осталась в доме одна.

На кухне остались сковорода с жареной рыбой для сына и три письма.

В последние года жизни она писала...

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

«Я стол накрыл на шестерых...»
Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.

Печально — им, печален — сам,
Непозванная — всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьёте.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счёте?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О — ни души не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! — опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, —
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и всё же укоряю:
— Ты, стол накрывший на шесть — душ,
Меня не посадивший — с краю.